
ХОЗЯЙКА ПОСЛЕДНЕЙ
МЕЛЬНИЦЫ
Уговор с ветром
МАРТА ХЕЙС
ЧЕСТНАЯ МЕРА · КНИГА ПЕРВАЯ

Марта Хейс

Хозяйка последней мельницы. Уговор с ветром

https://litres.ru/74744894
SelfPub; 2026

Аннотация

Мельница стоит третий год. Долг — сто шестьдесят восемь серебряков. Срок — до первого снега.

Муж обвесил гарнизонного приёмщика на полмеры с мешка, и ветер ушёл с Гребня, как уходит от всякого, кто взял чужое. Мужа похоронили, долг достался мне.

Парусины на двух крыльях нет, жёрнов сбит, своего зерна нет. Зато у меня двадцать лет приёмки за плечами: влажность беру на зуб, сорность на глаз, недовес чувствую рукой.

Начнём с меры. Мера решает всё.

— попаданка с жизненным опытом, тридцать восемь лет, всё делает сама

— настоящее дело: помол, вес, усушка, счёт до последнего медяка

— мир без колдунов, и чудо в нём одно: честная мера гудит на ветру, а хлеб из обвешенной муки садится в середине

— раз в год Ветряная ночь: все честные меры края гудят разом, и слышно, у кого молчит

— он её кредитор, и всякая теплота к должнице стоит ему должности

— найденная семья, уют, тёплые главы, счастливый финал

— ни одного дракона

Содержание

Глава 1. Срок до снега 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марта Хейс
Хозяйка последней мельницы. Уговор с ветром

Глава 1. Срок до снега

Первое, что я почувствовала, — холод. Не по телу, а в ладони: что-то тяжёлое, гладкое и очень холодное лежало у меня в правой руке, и я держала это так крепко, что костяшки побелели.

Я опустила глаза.

Медный ковш. Не кухонный — мерный, с клеймом на боку и загнутым краем, чтобы ссыпать без потерь. Такие я видела в музее при комбинате, на стенде «из истории хлебного дела», и там он лежал под стеклом с табличкой. Этот лежал у меня в руке, и дно у него было стёрто до зеркала.

Рука тоже была не моя. То есть моя — я ею держала, — но ногти коротко сбиты, на тыльной стороне длинный белый шрам от большого пальца к костяшке, а на безымянном свободно крутилось кольцо, которого я никогда не носила.

— …и по этой причине комендант не может далее откладывать, — сказал мужской голос.

Я подняла голову.

Передо мной стоял человек в сером гарнизонном кафтане с обтёртыми локтями и читал с листа. Лист он держал одной рукой, а вторую положил на палку. Палка была хорошая, с набалдашником, вытертым до блеска, и он опирался на неё всем весом правого бока.

За ним лежал двор, за двором — склон, а на склоне стояло серое и огромное. Я подняла взгляд выше и перестала дышать.

Мельница.

Деревянная, в четыре этажа, с лестницей вдоль борта и четырьмя крыльями. Два крыла были одеты парусиной, серой от воды, а два стояли голые — одна решётка, как рёбра. Ветер шёл с запада, ровно и сильно, трава ложилась, у меня дёрнуло косынку с головы, — а крылья не двигались. Ни на палец.

Я стояла в проёме двери этой мельницы, в чужом сером платье, в чужом фартуке с прожжённой полой, и у меня болела спина.

— Госпожа Ида, — сказал человек с палкой. — Вы меня слышите?

Госпожа Ида.

Меня зовут Ида. Ида Сергеевна, сорокоуст на весовой, двадцать лет на приёмке зерна, сначала лаборанткой, потом старшей. Элеватор, восемь силосов, конвейер, журнал влажности, пробоотборник, который вечно заедал. Развод шесть лет назад. Сын в другом городе, звонит по воскресеньям.

Это всё я помнила отчётливо, как помнят вчерашний день. И так же отчётливо я понимала, что ничего из этого сейчас ко мне не относится, потому что вчерашний день был у другой женщины, а у этой — чужое кольцо на пальце и мельница, которая стоит на ветру.

Паника пришла и ушла. Она вообще приходит ненадолго, если руки чем-то заняты, — а у меня в руках был мерный ковш.

— Слышу, — сказала я. — Повторите с начала, пожалуйста. С цифрами.

Человек с палкой посмотрел на меня поверх листа. У него было лицо из тех, что ничего не показывают: светлые брови, серые глаза, складка между ними, которая не разглаживается. Лет ему было немного за тридцать, и он смотрел так, будто я на его глазах сделала что-то неожиданное.

— С начала, — сказал он. — Хорошо.

Он переложил палку под левый локоть и начал заново.

— Гарнизон на Сухом холме, сорок два человека, получает хлеб мукой. Муку принимает квартирмейстер, то есть я. Мельник Эрик с Гребня сдавал муку по подряду четыре года. За последний год подряда — шестьдесят мешков. В каждом мешке недостача полмеры.

Он сделал паузу. Я считала.

Полмеры с мешка, шестьдесят мешков — тридцать мер. Мера, судя по ковшу в моей руке и по тому, как лежало слово в его речи, — десять фунтов. Мешок — пять мер. Тридцать

мер, значит, шесть мешков.

— Шесть мешков, — сказала я.

Он снова посмотрел поверх листа.

— Шесть, — подтвердил он. — По своду мельника недовес возвращается вдвое и в руки обманутому. Двенадцать мешков муки. По нынешней цене — сто шестьдесят восемь серебряков.

— А по той цене, что была, когда он недодавал?

Складка между бровями стала глубже.

— Свод говорит «вдвое», — сказал он. — Не «вдвое по старой цене».

— Понятно.

Я и правда понимала. Я двадцать лет работала там, где недостача на приёмке — это не ссора, а акт, и знала, как это устроено: кто считает, тот и назначает цену, по которой считают.

— Мельник Эрик умер год назад, — продолжил он. — Долг перешёл ко вдове. То есть к вам.

— А ветер? — спросила я.

Я не собиралась этого спрашивать. Оно спросилось само, потому что я стояла, смотрела на две голые решётки и на траву, которая ложилась от ветра, и у меня в голове не складывалось. Стоять мельница может по сотне причин — сломан вал, сбит камень, нет парусины. Но крылья, одетые хоть наполовину, при таком ветре должны были хотя бы дрогнуть.

Квартирмейстер опустил лист.

— Вы спрашиваете меня про ветер, — сказал он медленно.

— Спрашиваю.

— Ветер ушёл с Гребня в тот день, когда недовес сделался явным. Это знает каждый ребёнок в Ольховом Броде. — Он помолчал. — Говорили, вы слегли после похорон и с тех пор не в себе. Теперь я вижу, что говорили правду.

— Я не слегла, — сказала я. — Я считала.

Это была чистая правда, и он её принял. Люди вообще охотно принимают правду, если она сказана ровным голосом.

— Тогда считайте дальше, — сказал он и протянул мне лист. — Комендант дал срок до первого снега. Если к первому снегу мельница не даёт муку гарнизону, Гребень уходит в уплату долга.

— Кому?

— Тому, кто долг выкупит.

— А кто его выкупит?

— Освальд Кроп, — сказал квартирмейстер. — С Нижней мельницы. Он уже подавал в управу бумагу о готовности.

Лист оказался плотный, желтоватый, с водяным знаком. Почерк на нём был писарский, с длинными хвостами, а в правом нижнем углу стояла печать: колос в круге.

Я прочитала бумагу дважды. Во второй раз — медленно, как читают договор, в котором тебя уже один раз обманули.

Всё было составлено чисто. Срок, сумма, основание, по-

следствие. Ни одной зацепки, кроме одной строчки в середине, на которую я смотрела дольше всего:

«…недостача установлена перевесом на гарнизонных весах при приёмке».

— Влажность, — сказала я.

— Что?

— По какой влажности считали. — Я подняла глаза. — Муку принимали в сырую осень или в мороз? Мешок муки за неделю в сырой кладовой берёт воду, за месяц в сухой — отдаёт. Если вы вешали поставку в ноябре, а перевешивали недостачу в феврале, у вас часть этих полмеры — просто вода, которая ушла. Это не недовес. Это усушка, и за неё по своду никто никому не должен.

Двор молчал. Где-то в мельнице капало.

Квартирмейстер очень аккуратно переложил палку в правую руку. Потом полез за пазуху, вынул узкую книжку в кожаной обложке, раскрыл её на середине и стал листать назад — не торопясь, страницу за страницей, как листает человек, который точно знает, что там написано, и проверяет не запись, а себя.

Я успела разглядеть страницу. Разграфлено от руки, числа мелкие и ровные, в каждой строке дата, вес, подпись. Такие книги я видела тысячу раз, и всегда с одной стороны барьера. Теперь я стояла с другой.

— Вешали в листопад, — сказал он, не поднимая головы. — Перевешивали в феврале.

— Тогда у вас в этих тридцати мерах есть чужая вода.

— Сколько?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Надо считать по партиям, а не по году. С одного мешка усушка выходит два фунта, если зерно шло нормальной влажности. Если зерно было сырое — больше.

Он закрыл книжку. Посмотрел на меня долго, снизу вверх, потому что я стояла в проёме на две ступени выше.

— Госпожа Ида, — сказал он. — Полгода назад вы не могли отличить мешок от воза.

— Полгода назад я лежала после похорон и была не в себе, — сказала я. — Вы сами говорили.

Молчание на этот раз было другое. В нём что-то решалось.

— Лейв, — сказал он наконец. — Квартирмейстер гарнизона. Раз мы теперь будем разговаривать про влажность, вам стоит знать, как меня зовут.

— Я помню, как вас зовут, — ответила я.

Я не помнила. Но угадать здесь было нечего: он представился сам, и я просто сделала вид, что знала.

— Про воду я вам поверю на бумаге, — сказал Лейв. — Принесите расчёт по партиям, с датами и весами, подписанный вами. Если в нём сойдётся — я подниму вопрос перед комендантом. Пересчёт недовеса, не прощение.

— Пересчёт мне и нужен.

— Срок при этом не двигается.

— Я поняла про срок.

— Не думаю, что поняли. — Он посмотрел на небо, на низкие серые гряды, которые шли с запада одна за другой. — Первый снег в Ольховом Броде ложится в середине листопада. Иногда раньше. У вас не три месяца, госпожа Ида. У вас столько, сколько даст погода, и в этом году она злая.

Он надел шапку, тронул поля двумя пальцами и пошёл со двора, тяжело перенося вес на палку через каждый второй шаг.

У калитки он остановился.

— Вы спросили про ветер, — сказал он, не оборачиваясь. — Если соберётесь его возвращать, начинайте с меры. Остальное потом.

И ушёл вниз по тропе, к городку, который лежал в излучине под холмом: три сотни дворов, рыжие и серые крыши, дым, река, мост. Над дальним концом улицы поднимался другой дым, плотный и жирный, — и оттуда, снизу, через весь ветер, еле слышно шло ровное гудение работающих жерновов.

Нижняя мельница мелола.

Я стояла в проёме, пока он не скрылся за поворотом. Потом посмотрела на бумагу в левой руке, на мерный ковш в правой и сделала то, что делала двадцать лет каждое утро, входя на весовую: посчитала, с чего начинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.